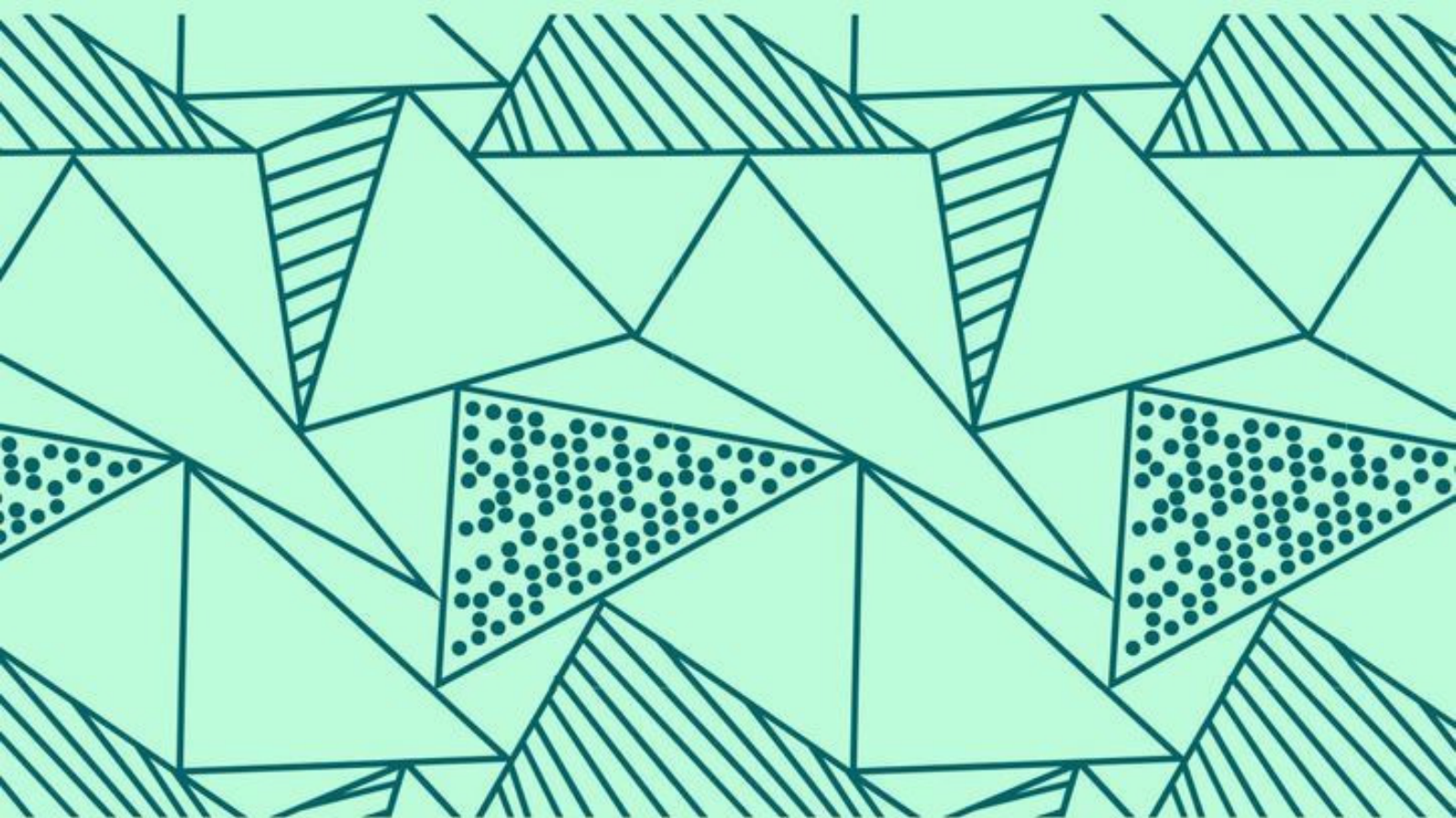

18+

Константин Бондарь

МЕЖДУ СЛАВИСТИКОЙ И ИУДАИКОЙ

Книга промежуточных итогов

Константин Бондарь

**МЕЖДУ СЛАВИСТИКОЙ
И ИУДАИКОЙ. Книга
промежуточных итогов**

«Издательские решения»

Бондарь К.

МЕЖДУ СЛАВИСТИКОЙ И ИУДАИКОЙ. Книга промежуточных
итогов / К. Бондарь — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515129-2

Книга «промежуточных итогов» рассказывает о труде филолога, истоках призвания, учителях и коллегах, представляет основные темы исследований автора: «чудо» в средневековых текстах, еврейско-славянские культурные контакты, творчество забытых русских писателей XIX века.

ISBN 978-5-00-515129-2

© Бондарь К.
© Издательские решения

Содержание

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	8
К истокам призвания. Прогулки с дедом	10
Встреча с Учителем. Профессор Широкоград	17
Историк языка. О чудесах и текстах	21
Между славистикой и иудаикой	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

МЕЖДУ СЛАВИСТИКОЙ И ИУДАИКОЙ

Книга промежуточных итогов

Константин Бондарь

© Константин Бондарь, 2020

ISBN 978-5-0051-5129-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Эта книга создавалась как рассказ о себе и своем времени, как «прямой разговор о жизни», если перефразировать одну из дневниковых записей Лидии Гинзбург. С другой стороны, в ней говорится об историко-литературной работе, которой я занимаюсь вот уже четверть с лишним века после окончания университета.

Предметом моего внимания были три ключевые темы: изучение одного из важнейших терминов средневековой культуры – «Чудо» – в текстах различных жанров; анализ повестей о царе Соломоне в средневековой книжности; обзор творчества нескольких, ныне забытых русских писателей XIX в. Вместе взятые, они составляют то, что, говоря словами Евгения Шварца – Короля – актера Эраста Гарина из фильма «Золушка», «можно предъявить» на приближающемся полувековом рубеже.

Ученый ли выбирает свою тему, тема ли ждет ученого, который за нее возьмется? Или так: «человек породил слово или <...> сам порожден им?» – задавался вопросом Евгений Водолазкин. Эти вопросы были одним из стимулов моей работы.

Книга писалась как нечто среднее между мемуарами, очерками памятных встреч и сборником научных статей в двух основных сферах моей деятельности – славистике и иудаике. Однако это не ученый труд в прямом смысле слова. Да, основное его содержание – филологическое, источниковедческое; мои наблюдения и выводы основаны на изучении источников и чтении специальной литературы. Вместе с тем, мне хотелось предложить неторопливый разговор о выборе жизненного и профессионального пути, о судьбах людей и текстов. Строгим же научным критериям соответствует с полным списком моих публикаций. *Приложение*

Продолжая вспоминать Лидию Яковлевну, «». Так мог написать человек, сделавший в юности осознанный выбор поведения и повседневного существования. К этому стремились и мы, филологи начала 90-х, в студенческую пору, когда путь в науку казался трудным, почти непроходимым. Нас утешала мысль о том, что когда-нибудь мы обретем собственный голос и выйдем на верную дорогу. Мы шли навстречу ожидавшим нас испытаниям «с открытым забралом». Полученный опыт, в конце концов, стал тем, о чем и стоит писать, – неповторимой историей поисков и странствий. *...работа должна быть поднята если не до пафоса, то хотя бы до профессии, иначе она раздавит бездушиностью*

И вот теперь, думая с любовью о бабушке и дедушке, в чьем благословенном доме пробудилось и окрепло мое призвание, я благодарю моих близких – жену, сына и дочь – за счастье ежедневного общения. Я сердечно приветствую издалека мою маму Нину Бондарь, чья щедрая поддержка на протяжении многих лет была незаменимой.

Невозможно переоценить помощь друзей, особенно Кати Полян, разделившей со мной трудности отбора и расположения материала в книге, и Олега Коваля, которому я обязан удачным названием.

Всем им я и посвящаю свой труд.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ранней весной далёкого 1979 года мне посчастливилось присутствовать на лекции Ю. М. Лотмана в актовом зале Тартуского университета, посвящённой проблеме автопортретности в научном творчестве. Речь шла о вольных и невольных, не осознанных автором проявлениях его личностного своеобразия в исследовании, предметом которого могут быть и проблемы математики или физики, и особенности поэтики художественного текста. В монографии учёного, говорил Юрий Михайлович, автобиографическое начинается уже с имени автора и его фото. Вот об этой лекции мне вспомнилось, когда я читал очень, местами автобиографическую, мемуарную, но всецело историко-филологическую книгу Константина Бондаря. *авторскую*

Перед нами – книга личного опыта, возникшая как осмысление автором предварительных итогов на нынешнем этапе его жизненного пути и активной работы в науке, а именно в славистике и иудаике, где К. Бондарь особенно плодотворно трудился и продолжает свои исследования в интереснейшей смежной области – иудеославистике.

Среди очерков, вошедших в книгу, находим и писательские портреты, историко-культурный и хронологический диапазон которых очень широк: век восемнадцатый и девятнадцатый встречаются с XX-м и даже XXI-м, под одной обложкой – очерки о Владимире Одоевском и Евгении Водолазкине. Пишет К. Бондарь и о полузабытых и забытых литераторах и учёных – Иване Хрущове, Иване Явленском, Василии Якимове. Принципиально важным мне представляется сочетание эстетического и этического критериев в бондаревских оценках: переводчик Шекспира Василий Якимов стремился к формальной точности, а художественного дарования ему явно недоставало, однако это был честный труд, вне каких-либо «посторонних целей», в отличие от жизненных стратегий героя другого очерка с «говорящим» названием: «Слово и мундир. Иван Хрущов». Мне по душе такая аксиология, когда мы говорим не только о «вкладе в науку» или о художественно-литературных достижениях творческой личности.

Профессиональное в этой книге перетекает в личное и наоборот, она – и дань благодарной памяти. Характерно, что открывает её мемуарный очерк «К истокам призвания. Прогулки с дедом» – о Михаиле Бондаре, ставшем примером противостояния «агрессивному невежеству, самодовольной ограниченности и житейской мелочности». Большой книжник, колоритная личность, дед был, по словам К. Бондаря, из тех людей, которые «как будто больше самого себя». Он видел больше и дальше многих, когда сказал однажды внуку: «Ты будешь работать со словом!» Дедовское пророчество сбылось.

Автор называет деда своим первым учителем, и когда уже им самим, Константином Бондарем, пройдена немалая часть жизненного и творческого пути, неизбежным становится опыт самопознания, который так естественно сочетается со словами благодарности всем наставникам и учителям. Есть в книге портреты любимых учителей, профессионалов высочайшего уровня – лингвиста Ефросиньи Широкоград, литературоведа Леонида Фризмана, историка и археолога Владимира Михеева.

Один из очерков автор посвятил незабываемым годам преподавания и научной работы в Восточноукраинском филиале Соломонова университета, который возглавлял Борис Элькин.

Вспоминая о том, с каким трепетом рассказывала ему Ефросинья Фоминична Широкоград о старых профессорах – своих учителях, автор не без трепета замечает: а от них ниточка тянется «к тем, кто слушал лекции самого Потебни». И Константин Бондарь, современный израильский учёный, автор основательных, отличающихся научной новизной книг и статей (с библиографией можно ознакомиться в приложении), – воспитанник и продолжатель традиций харьковской филологической школы.

Игорь Лосиевский,

заведующий научно-исследовательским отделом документоведения, коллекций редких изданий и рукописей Харьковской государственной научной библиотеки им. В. Г. Короленко, профессор Харьковской государственной академии культуры, доктор филологических наук

К истокам призвания. Прогулки с дедом

Однажды, – рассказывала в одном из интервью 90-х годов Бел Кауфман, – я написала письмо своему дедушке. Оно начиналось так:

«Дорогой дедушка! Я хочу рассказать тебе о том, что произошло со мной и с тобой с тех пор, как ты умер...»

Пример Бел Кауфман вдохновляет меня давно. Ей было пять лет, когда не стало ее деда Шолом-Алейхема, но всю жизнь он незримо сопровождал ее. Мне посчастливилось прожить с дедом намного дольше, но эта книга, пожалуй, – тоже послание, адресованное дедушке с высоты прожитого почти полувека, в котором я хотел бы рассказать ему о том, что со мной произошло за эти годы. «Я – это мой дед», – привык я кратко описывать то исключительное влияние, которое он на меня оказал. Почему так сложилось? Я рос в полной, большой семье, где были родители, две бабушки, которых я очень любил, тетя. И все-таки дед...

Михаил Бондарь – филолог, фронтовик, учитель, библиофил, проживший три четверти XX века, стал тем человеком, который определил мою взрослую жизнь. Он был сыном своей эпохи, выжившим в страшные времена. Первым в своем роду он стал интеллигентом, и исповедовал он только одну веру – в человека. По специальности дед был филологом, но прожил свою жизнь скорее как историк, потому что преподавал общественные науки, активно интересовался прошлым и современной ему политикой, окружающим миром, собирал книги и следил за прессой. При этом он не был ни фанатиком, ни догматиком, а жизнелюбие и неповторимый юмор подарили ему лет пятнадцать в борьбе с тяжелой болезнью. И сегодня у меня нет сомнений, что общение с дедушкой было не только уроком стоического отношения к жизни, но и прививкой против больших бед – агрессивного невежества, самодовольной ограниченности и житейской мелочности.

Представим, например, такую картину: пожилой мужчина и мальчик неспешно уходят вдаль по парковой аллее. Они о чем-то негромко и неторопливо беседуют. Мужчина изредка останавливается, чтобы закончить мысль или привести пример, пошутить или припомнить забавный эпизод. «Кто знает?» – задумчиво спрашивает он себя при этом. На самом деле остановки нужны не только для этого: после инфаркта ему приходится справляться с повышенной усталостью и бросать под язык таблетку нитроглицерина. Так они могут гулять пару часов, и общение их не утомляет. О чем они говорят? Например, перечисляют великих писателей, вспоминают римских или русских императоров, политиков и деятелей прошлого, полководцев и путешественников, мечтают о будущем. И сегодня я частенько ловлю себя на мысли, что о многих вещах впервые услышал от деда. Атласы, энциклопедии, инструменты; имена философов, поэтов, киноактеров и множество других вещей, всплывая в памяти, возвращают меня к временам этих прогулок. В наших разговорах мелькает Харьков прошлых десятилетий, довоенный Донбасс или совсем уж мифологическое Волощино, откуда подростком дед уехал навсегда. Имена писателей произносятся так, как если бы они были нашими знакомыми, а люди из минувших эпох все еще оказывают воздействие на нашу жизнь (к слову, воспоминания всегда были у деда настольными книгами). В этих беседах могло быть все, что угодно, но только не злословие и не сплетни. Негодуя на дураков или подлецов, дед не опускался до ругани, хотя крепкое словцо любил. Столь же нетерпим он был к болтунам и пустословам, а недоразумение или обиду обычно обращал в шутку, приговаривая: «Извини, если что не так!» Была у него и присказка на прощание: «Если что, отбей телеграмму!»

Я всегда воспринимал своего деда как человека пожилого. И действительно, он рано начал стареть, а после первого инфаркта стал стареть стремительно. Ко времени, когда наше общение стало значимым фактом моей биографии, активная жизнь была у него уже в прошлом. Возможно, это было одной из причин пристального и вдумчивого внимания деда ко мне. Я

родился вскоре после его 50-летия, воспринятого им как жизненный пик, с которого начинается спуск вниз (к этому сквозному для его мировоззрения образу он постоянно возвращался), и стал приложением его учительского, читательского и житейского опыта.

Дедушка появился на свет в 1922 г. в семье простого сельского труженика. Он был старшим из пяти детей Израиля Бондаря и его жены Цили, живших в селе Волощино Кривоозёрского района теперешней Николаевской области Украины (бывший Балтский уезд Подольской губернии). Однако, рожденный в глубинке, дед не был провинциалом. И, сколько я помню, он всегда придавал значение дате своего рождения: из его поколения немногие вернулись с войны, и дед считал свою послевоенную жизнь подарком. О ком-то (например, о любимом поэте Юрии Левитанском) дед мог сказать: «Он моего года», и эта лаконичная характеристика приобретала особую многозначность.

В раннюю пору детства дедушка как будто не входил в мой мир – может быть, оттого, что тот был женским? Бабушка, ее старшая сестра – моя няня, вторая бабушка, тетя и мама практически полностью заполняли освоенный ребенком мир. До общения с дедом надо было дорасти, потому что оно требовало некоторой самостоятельности и зрелости. Оно было партнерским, а не покровительственным: дед предлагал паритет, приобщая к теме, задавая вопросы или вынося суждения. Он очерчивал круг, в котором надо было сориентироваться, предложить ответ, возможное решение. Мышление на критических точках, приглашение к сотрудничеству оставляло радостное чувство выхода за пределы повседневности. Это не происходило автоматически: за редкостное ощущение надо было бороться, пробиваясь к нему сквозь привычную лень, детскую наивность и беспечность.

Вот, пожалуй, одно из первых воспоминаний – книжное. Стройные и высокие ряды открытых книжных полок уходят под потолок. Они плотно уставлены. Корешки книг разноцветные, некоторые посверкивают золотом в проходящем свете. Книги тонкие и толстые, высокие и совсем небольшие. Перед книгами на нескольких полках стоят фотографии. Это комната дедушки и бабушки, в которой я не живу, но куда прихожу в гости довольно часто. Дедушка – хранитель и знаток всех этих книжных богатств. Он знает им и счет, и ранжир. Здесь есть книги, которые я могу просматривать и даже читать. Есть и такие, до которых я не достаю, да так и не узнаю потом, что же там внутри. Я знаю, что эти книги покупаются и собираются, чтобы когда-нибудь достаться мне. В доме деда и бабушки начали собирать книги с 50-х годов, и эта миссия не прекращалась до начала 90-х, когда найти приличную книгу стало трудно, а цены на них взлетели. До расцвета современной книжной торговли дедушка не дожил, и большая часть его книжного собрания была родом из сравнительно благополучных 70—80-х годов. Он иногда говорил, что в годы «книжного бума» покупалось все, что выходило в приличной обложке на русском языке. Что делать, эпоха дефицита давала о себе знать даже в жизни библиофилов. С некоторыми книгами связаны особые воспоминания. Например, иногда дед произносил знаменитую Достоевскую фразу: «А не почитать ли нам Гоголя, господа?», и за этим следовало неизменное совместное чтение нескольких страниц из «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Часто мы читали отрывки из «Жизни двенадцати цезарей» Светония или из современной книги Е. Федоровой «Императорский Рим в лицах». Таким же постоянным чтением по искусству был сборник «Пятьдесят биографий мастеров западноевропейского искусства» с черно-белыми иллюстрациями. На ночном столике возле дедовой кровати постоянно лежали трехтомник «Опытов» Монтеня, «Разговоры с Гёте» Эккермана, книжечка эссе Андре Моруа, «Мышеловка» Агаты Кристи. Дед очень любил и уважал издания серии «Литературные памятники», и у нас их было два-три десятка – античные авторы, несколько средневековых сочинений, как, например, «История государства инков», рассказы Фолкнера, письма Томаса Манна и другие. Затем, уже самостоятельно, я приобрел у букинистов еще несколько томов. Часть из них и теперь со мной – древнерусские памятники, книги, подготовленные моим научным руководителем, профессором Л. Г. Фризманом («Стихотворения» Баратынского, «Северные

цветы на 1832 год», «Думы» Рылеева, «Европеец» Киреевского). В конце концов, я тоже стал одним из авторов серии: вместе с Леонидом Генриховичем мы подготовили «Марфу, Посадницу Новгородскую» М. Погодина. Интересно, что бы сказал о ней дед?..

«Книга воспитывает своим присутствием», – как-то произнес в одной из своих передач «Очевидное-невероятное» Сергей Петрович Капица. Сколько раз с тех пор в разные минуты эти слова приходили мне на ум! Я думаю, они в состоянии передать, подобно девизу, самые важные события и впечатления моей жизни, выразив наилучшим образом неуловимый и неповторимый облик повседневности.

Как девятнадцатилетний, дед был призван практически сразу после начала войны. Отучившись на офицерских курсах минометной школы в Подольске, он воевал полтора года командиром минометного расчета.

– прочитал я однажды в его записной книжке.

После тяжелого ранения в ногу, нескольких операций и получения инвалидности лейтенант Бондарь был переведен на штабную работу и встретил день победы в Берлине. Любимый рассказ дедушки о разрушенной германской столице – о поездке к больному и голодавшему драматургу и романисту, Нобелевскому лауреату Герхарту Гауптману. Я часто слышал этот рассказ, когда дедушку просили рассказать о войне. Он выбирал эту простую человеческую историю, в которой умолкли пушки и вновь заговорили музы. Старику-писателю (он жил где-то в пригороде) привезли продукты. Он уже не вставал и, встретив советских солдат в кресле под пледом, сказал, что как немец свою вину осознает и готов к смерти. Узнав, что к нему пришли с помощью, он был растроган. Через год писателя не стало. Это была не просто встреча – Михаилу Бондарю, словно в одном кадре, показали его будущее, в котором ему суждено жить и работать со словом, упорно строить свой внутренний мир и, оказавшись лицом к лицу со смертельной опасностью, встретить ее с ясным умом и спокойной совестью.

В 1946 г. в Харькове, в гостях у друзей, дед встретил мою будущую бабушку, Веру Каплан, и вскоре они поженились. Их совместная жизнь, не всегда безоблачная, но в конечном итоге счастливая продолжалась больше пятидесяти лет. Их совместным трудом и любовью был создан мир моего детства, который до сих пор оберегает меня, и именно им я обязан тем, что стал филологом, потому что бабушка, учительница русского языка, вместе с дедом создавала и поддерживала в семье культ слова.

Назначенный после войны начальником лагеря военнопленных, Михаил Бондарь демобилизовался только в 1949-м и тогда же поступил на заочное отделение филологического факультета Харьковского университета по специальности «журналистика», которое окончил ускоренно в 1951-м. То было страшное и противоречивое время. С одной стороны, усиливался идеологический диктат, как раз началась кампания разоблачения «космополитов», и от нее пострадал харьковский литературовед и театральный критик Лев Яковлевич Лившиц, и не только он; в учебные планы был введен курс «Основы сталинского учения о языке». С другой же стороны, студенты были почти сплошь взрослыми серьезными людьми, многие с фронтовым опытом, но и среди преподавателей были вчерашние фронтовики, как Моисей Горациевич Зельдович, Георгий Иванович Шкляревский и другие. По одним и тем же коридорам ходили мои будущие учителя – Ефросинья Фоминична Широкопад, Ксения Сергеевна Осипова. На факультете работали выдающиеся специалисты – Александр Моисеевич Финкель, Николай Михайлович Баженов, Вера Павловна Беседина-Невзорова. Научным руководителем Михаила Бондаря стал Марк Черняков, под руководством которого выпускник защитил дипломную работу «Очерки М. Горького „По Союзу Советов“». Годы учебы в университете дедушка вспоминал как лучшие в своей жизни. Он был единственным в нашей семье с университетским образованием (бабушка окончила пединститут) и долго еще носил на пиджаке бело-синий университетский значок.

Спустя сорок лет после деда я тоже пришел на филологический факультет. Это уже был другой филфак, но иные из преподавателей той эпохи еще продолжали работать, и своих настоящих учителей я тоже нашел. Мы, филологи, знаем: не только мы храним филологию, но и она нас хранит. Она снабжает нас могучим оружием – учит принимать жизнь не буквально, но отстраненно, «настраивая оптику» всякий раз, когда нужно оценить явление, событие или факт. В этом и был смысл дедовского напутствия в филологию: он умел расширять горизонты.

Отмеченной в дипломе квалификацией «литературный работник газеты» Михаил Бондарь всегда гордился, но по специальности смог проработать только три года, да и то не вполне: два из них цензором, в тогдашнем управлении по охране государственных тайн в печати (так называемый «Главлит»), и год в типографии Политехнического института. Остальная его трудовая жизнь, больше четверти века, прошла на учительском и преподавательском поприще. Сразу после университета вместе с женой и четырехлетним сыном он оказался в Лубнах Полтавской области. Там дед директорствовал сначала в одной, а затем в другой школе. Спустя несколько лет он еще раз попробовал попытаться счастья вне Харькова – в Енакиево, где тогда жили его мама и младшие сестры. Наконец, осев окончательно в Харькове, работал учителем, завучем по производственному обучению (была такая должность в эпоху «политехнической реформы» средней школы), а затем – преподавателем политэкономии в техникуме общественного питания. Вот эту свою последнюю работу он по-настоящему любил и задержался на ней дольше других – 12 лет. Здесь его ценили, и он, в конце концов, нашел свое призвание. Правда, это случилось, когда ему было уже 46 лет, в 1968 г., а в 1980-м пришлось выйти на пенсию по инвалидности. Но техникум он не забыл и продолжал ходить туда на праздники, партийные собрания и заменял заболевших коллег.

Дедушка не раз говорил мне, что жалеет о своих метаниях, хотел бы прожить жизнь иначе и наказывал придерживаться одного выбранного пути. Не могу сказать, что последовал его совету: я сменил не только несколько мест работы, но и специальность, и даже страну. Недаром говорится: «Дела отцов – знак для детей». Но встреча с моей настоящей работой у меня все-таки была...

Что же до деда, оказавшись на пенсии, он вел образ жизни деятельного человека, вынужденно оказавшегося не у дел. Ни дня он не проводил дома или сидя на скамейке с пенсионерами. Его маршрут был предопределен активной целью – посещение книжных магазинов, прогулка по парку, покупка газет и лекарств в аптеке. В нем легко уживались внутренняя дисциплина, привычка к самоанализу и мощная витальность, проявлявшаяся, например, в некотором щегольстве, с которым он выбирал и носил одежду, особенно галстуки. Его невозможно было застать неаккуратно или неряшливо одетым. Почти весь год, за исключением зимних холодов, он носил элегантные кепки или шляпы. Как всякий человек, встретившийся с серьезной опасностью, дедушка был подвержен соблазну поддаться болезни, но несколько вещей, вызывавших у него живой интерес, помогали держаться на плаву. Сначала это был перестроечный информационный и публикаторский бум, наводнивший их маленькую квартиру подборками толстых журналов и сборниками публицистики; потом коллекционирование анекдотов (в подлинном, исконном понимании жанра) – их он знал множество и умел со вкусом рассказывать; наконец, моя учеба в университете. «Над чем ты сейчас работаешь?» – таков был его дежурный вопрос ко мне. И он требовал ответа по существу, тогда как на большинство других вопросов дед, в общем-то, ответа не ждал.

И еще одна тема была постоянным предметом наших разговоров. Мне было, пожалуй, лет восемь-девять, когда дед начал говорить со мной о смерти. Впрочем, узнал я о ней не от деда: моя бабушка, еженедельно навещавшая могилу мужа, другого моего деда, примерно лет с пяти брала с собой на кладбище и меня. Постепенно эти походы стали привычным делом, и я их полюбил, не вполне отдавая себе отчет в характере самого места. Мне нравилось приносить в ведерке воду из бассейна и поливать розы, пионы и саженец ели, что росли на могиле

деда; протирать влажной тряпочкой его памятник и посыпать ярко-оранжевым песком участок внутри ограды. На кладбище были похоронены и другие наши родные и знакомые, и, закончив необходимые работы, мы с бабушкой затем навещали их могилы, неспешно обходя кладбищенские кварталы. Деревья там постепенно разрастались, тень падала на дорожки, в ветвях шумели птицы... В особенно старых уголках, где, должно быть, уже некому было приходиться к могилам, царила звенящая тишина. Здесь-то и нравилось мне больше всего. После прогулок по кладбищу смерть не казалась ни страшной, ни удручающей. Эстетика этого места примиряла с перспективой небытия, тем более что здесь не приходилось испытывать ни обид, ни разочарований. Тем не менее, рядом с собой, среди родных и близких, я не встречал смерть еще очень долго. А дед заговаривал, например, о том, что у Юлия Цезаря однажды спросили, какой вид смерти он предпочитает. На это полководец ответил: «Внезапный». И дед комментировал: хорошо умереть внезапно, на ходу, не думая о смерти и к ней не готовясь. Лучше всего – в бою. Еще бывало, беседовали мы о том, сколько прожил кто-нибудь из великих людей. В детстве меня почему-то очень занимали длинные жизни – люди, достигшие глубокой старости, как, например, Микеланджело или Гёте. И дед разъяснял, что не так важно прожить долго, важно прожить достойно. Мог ли я тогда оценить эти слова как следует? Много лет подряд вспоминал он вычитанную как-то у Сарояна фразу: «». И до того полюбился нам этот образ, что о всяком умершем говорилось что-то вроде: «». Уточнения в этом контексте не требовалось. В качестве образца поведения перед лицом смерти рекомендовалась поговорка запорожских казаков: «», и таким образом оказывалось, что бояться, в общем-то, нечего. А после семидесяти излюбленным анекдотом стал услышанный где-то на улице диалог, который мы разыгрывали в лицах: ... *а потом мой отец поменял ботинки на похоронные тапочки ну вот и такой-то поменял Поки я є – її нема. Вона прийде – мене чортма*

И заканчивалась сценка неизменным добродушным смехом... Дед привык говорить о неизбежном с юмором и не усложнять чрезмерно предмет. Его жизненный опыт, как и у всех его ровесников, вмещал такие свидетельства, что недооценивать их не приходилось. Тем не менее, ответ на вызов судьбы всегда был ободряющим.

Михаил Бондарь прожил намного дольше, чем пророчили доктора и чем сам он предполагал. Наверное, его дни продлились для того, чтобы он мог быть рядом с любимыми и любящими. На чувства он был щедр, и люди отвечали ему тем же – близкие, друзья, студенты, даже соседи. Надо сказать, что среди его коллег и знакомых, среди своих университетских преподавателей, друзей нашей семьи я встречал нескольких человек, похожих на моего деда. Это были люди, которые могли ценой постоянной работы над собой стать как будто больше самих себя. Но с дедом я жил рядом, и для меня его пример неповторим. Дедушка не был ученым, хотя по складу ума и широте кругозора вполне мог им быть. Он не был писателем или философом, хотя вся его жизнь прошла в размышлениях. Себя он называл «старым учителем», и в этом была своя правда. Он был хорошим учителем и умел «нести что-то людям», как он любил говорить. Я бы добавил, что он был книжником в старом, почти забытом значении этого слова – он знал и любил книгу, разбирался в книгах и с любовью их собирал. Он был хорошим читателем и собеседником, но главное – он умел слушать. Но что же, в конце концов, остается людям? Думаю, вот что. Хотя его девизом можно считать слова: смысл жизни – в ней самой, он парадоксальным образом всегда брал на полтона выше житейского разговора. Обремененный, как всякий взрослый человек, заботами, горестями, хворями, дед не позволял им взять верх над собой. Об этом говорил перед смертью Пушкин (а нам передал Жуковский: «...»), и именно это свойство делало присутствие деда источником утешения. *смешно же, чтобы этот вздор меня пересилил*

– писала бабушка в юбилейном стихотворении к 75-летию деда. На этом юбилее я пожелал себе быть таким же дедом для своих внуков, каким он был для меня. Что ж, будущее пока-

жет. А через десять дней деда не стало: он ушел из жизни так, как хотел, – почти внезапно. И мне кажется, что, удаляясь со временем, его фигура становится не меньше, а больше.

В бой вздымала команда «В ружье!»

Иль несли минометы в гору —

Одного я не ведал в ту пору:

Где находится сердце мое...

– А сколько было тому деду?

– Не знаю, лет семьдесят...

– А, семьдесят?! Так что ж ты хотел?!

«...тебе лишь замены не будет вовек,

Еще не родился такой человек!»

М. С. Бондарь. Последняя фотография. 1997 г.

Встреча с Учителем. Профессор Широкопад

Осенью 1989 г., напутствуемый бабушкой и дедушкой, я стал студентом русского отделения харьковского филфака, не вполне представляя себе, в чем же, собственно, заключается профессия филолога. «Ты будешь работать со словом!» – предрекал мне дед. На первых порах это пожелание было путеводной нитью. Но освоение новой реальности затянулось: на первом и втором курсе студенчество мое было, по сути, школярством. Я исправно получал хорошие оценки, но так и не преодолел наивного прекраснотушения. На третьем курсе это привело к затяжному кризису, разрешившемуся только годы спустя, после окончания университета, с расширением круга интересов и знакомством с новыми людьми. Тогда же, осенью 1991-го, нам, студентам III курса, предстояло выбрать специализацию, записавшись в научный семинар. И вот здесь, на пути к «взрослой» науке, меня ожидала первая судьбоносная встреча. Замечу, что выбор семинара, действительно важный для дальнейшей профессиональной жизни, в те наши девятнадцать-двадцать лет многим казался не слишком значительным. Я же отнесся к нему со всей серьезностью. Особенность научного семинара состояла в том, что занятия в нем обязательно приводили к подготовке дипломной работы, а также предопределяли специфику государственного экзамена при выпуске: специализация в лингвистическом семинаре предполагала экзамен по истории русской литературы и наоборот – «литературоведы» сдавали весь курс русского языка. Чем руководствовались студенты? И тем, что, как им казалось, будет проще сдавать на V курсе, и тем, кто из преподавателей объявлял набор в семинар и какие темы предлагал. Были бесспорные фавориты, например, профессор А. Д. Михилев с кафедры зарубежной литературы с его темами по модернизму, современной французской, английской и американской литературе, или доцент В. А. Маринчак с кафедры русского языка, отец Виктор, который уже тогда преподавал историю языка и культуры как духовно-символическую и мифологическую реальность. Были и другие семинары, ведущих которых я знал и уважал как своих учителей: семинар Л. А. Быковой («Ложные друзья переводчика: русско-польские параллели») или Г. М. Зельдовича («Русские временные квантификаторы» – тема, по которой он через несколько лет защитил докторскую диссертацию). У этих преподавателей я попробовал позаниматься несколько раз, но, в конце концов, отказался от предложенных тем, как и от темы по лингвистике текста, которой я немного тогда увлекался. Шли недели, а я все еще оставался без семинара и без научного руководителя. Как это часто бывает в жизни, дело решила случайность или, вернее, не сразу оцененная по достоинству деталь. Моя сокурсница Оля Пашенко, не задумываясь, выбрала семинар, который вел профессор кафедры русского языка Ефросинья Фоминична Широкопад, поскольку ее мама, выпускница 1972 г., была дипломницей Ефросиньи Фоминичны. Однажды Оля между делом рассказала мне об этом семинаре. До этого я не был знаком с профессором Широкопад, но в преддверии выбора семинара один важный разговор у нас состоялся: мы пришли к ней вдвоем с моим другом Олегом Ковалем, который учился тогда на II курсе, но был охвачен серьезным научным поиском. Надеясь на встречу с «настоящим ученым», мы попросили Ефросинью Фоминичну проконсультировать нас. Мы хотели получить у нее ориентиры в изучении санскрита, который, начитавшись Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова, считали достойным для исследований предметом. Разговор быстро пошел в другом направлении, почти неуловимом для меня, но что-то услышанное и воспринятое тогда заставило меня прийти к ней еще раз, с тем, чтобы уже более не уходить.

Решение учиться у Е. Ф. Широкопада появилось по нескольким соображениям: и тяга к истории языка и славянским древностям, которую я почувствовал еще с первого курса, после лекций Виктора Андреевича Маринчака по «Введению в славянскую филологию», и ее обаяние, которое не сразу, постепенно открывалось в общении с ней. Это было обаяние безыскус-

ной правды, надежности и какой-то глубокой, органичной доброжелательности. Вместе с тем, у нее была репутация строгого и взыскательного педагога; идти к ней учиться решались немногие. В конечном итоге нас осталось пятеро. Работа в семинаре строилась индивидуально, с учетом темы каждого студента, а встречи с преподавателем проходили как обсуждение найденных в текстах словоупотреблений, разбор словарных значений и библиографических ссылок. От каждого студента требовалось ведение картотеки, и многие карточки с библиографическим описанием или словарной статьей Ефросинья Фоминична приносила нам сама. В ходе длительных поисков тема работы была выбрана – «Концепт „Чудо“ в языке и культуре восточных славян». После выхода в свет в том же году сборника статей «Логический анализ языка. Культурные концепты» слово «концепт» не сходило с филологических уст; заданное им направление входило в моду. Материал быстро набирался, в основном, за счет этимологических разысканий по слову «чудо» и однокоренных, а также «диво» и его многочисленных образований. Помимо этого, фиксировалось словоупотребление по литературным памятникам, начиная с древнейших русских житий и заканчивая современной беллетристикой; выявлялся массив словарных значений по всем существующим словарям славянских языков. Семинарские занятия продолжались два года, и после них я летом 1994 г. на «отлично» защитил дипломную работу, а еще через несколько лет продолжил работать над этой темой в аспирантуре.

Завершить обучение и представить диссертацию мне в ту пору не удалось, но выбранная как альтернатива окончанию аспирантуры учеба в магистратуре открывшегося тогда Центра иудаики и еврейской цивилизации, в Институте стран Азии и Африке при МГУ, привела меня в Москву. Магистерская программа принесла мне не только новую специальность востоковеда, но и возможность многие годы преподавать любимые исторические и филологические дисциплины в Международном Соломоновом университете. Я освоил новое направление – иудеославику (междисциплинарную область исследования еврейско-славянских контактов), в котором сумел найти свою нишу – повести о царе Соломоне – и впоследствии защитить диссертацию. Все это стало возможным благодаря тому, что в свое время я прошел «школу Широкоград», а Ефросинья Фоминична после нашего официального расставания осталась для меня не только Учителем, но другом, советчиком и собеседником. Я с удовольствием бывал у нее дома, в тесной квартирке на пятом этаже, где она жила одна и где шли наши неспешные разговоры под неизменный растворимый кофе со гущенным молоком.

«...». В её доме не было признаков старости. Это поражало в первый момент, но потом не удивляло. Даже не замечалось, как её возраст. Вероятно, за этим приходили сюда – за временем, которое не умирает, за историей, которая не кончается

Написанные о другом человеке, эти строки справедливы и по отношению к профессору Широкоград. Изредка Ефросинья Фоминична посещала и наш дом; мы встречались с ней на заседаниях историко-филологического общества, в библиотеке и на конференциях. Я счастлив, что она присутствовала на защите моей диссертации, а после мы отметили это событие в дружеском кругу.

Уйдя на пенсию, она продолжала активно трудиться. Университет и кафедра русского языка торжественно отметили в 2008 г. 80-летний юбилей профессора Широкоград, на котором посчастливилось выступить и мне, а затем опубликовать на основе доклада посвященную Ефросинье Фоминичне статью. На этом же юбилейном заседании выступила коллега и соавтор Е. Ф. Широкоград, Л. М. Черняк, с приветственным словом «Встреча с Радостью», из которого я тогда узнал, что изысканное древнерусское имя «Ефросинья» – это греческое слово «радость». К счастью, жизнь Ефросиньи Фоминичны сложилась согласно с ее именем.

Придя в Харьковский университет девочкой Асей, выпускницей послевоенной школы, в 1948 г., она не покидала его до последнего дня. В юбилейном издании коллеги по кафедре писали:

Жить несуетно и в тихой сосредоточенности – привилегия, данная немногим, ценность которой понимают все меньше. Обдуманная размеренность, дни, наполненные кропотливой работой, скупость в словах и филигранная точность в выборе слов, негромкая, приглушенная речь, недоверие к публичности, неприятие конформизма, нелицеприятность, – все это было знаками неповторимой личности, чудесным и радостным образом оказавшейся моим учителем и собеседником. Своим трудом и жизнью Ефросинья Фоминична бережно хранила филологию, служа ей, но не менее важно и то, что филология сама хранила ее, давая возможность работать, жить интересами науки, поддерживать отношения с достойными людьми и привечать тех, кто нуждался в утешительном слове. А ведь сама она была воспитана своими учителями – Н. М. Баженовым, А. М. Финкелем, В. П. Бесединой-Невзоровой, о которых всегда рассказывала с трепетом. От этих корифеев ниточка тянется уже к дореволюционной науке, к тем, кто слушал лекции самого Потебни. Благодаря трудам Ефросиньи Фоминичны, ставшей еще и историком университета, собраны и сохранены свидетельства научной деятельности многих ученых, чья жизнь прошла в Харьковском университете. Она воспринимала себя как звено в эстафете научных поколений, хотя прямо никогда не говорила об этом. Надо помнить и о том, что Ефросинья Фоминична не делала скидок на чины и положения, не боялась остаться в меньшинстве или оказаться непонятой; больше всего ее заботила справедливость, а ее моральный камертон был настроен весьма точно.

Мы продолжали видеться с Ефросиньей Фоминичной до самого конца. Днем 1 декабря 2010 г., поработав в университетской библиотеке и заглянув на кафедру, она попрощалась с присутствующими и сообщила, что отправляется к родственникам в Шебекино. После этого ее никто не видел, и никому не приходило в голову беспокоиться по поводу ее отсутствия. Но несколько дней спустя ее телефон молчал, а когда коллеги, все же заподозрив неладное, наведались к ней домой, в двери они обнаружили телеграмму от родни, встревоженной тем, что гостя не прибыла...

Обо всем дальнейшем Ефросинья Фоминична, к счастью, не узнала, удостоившись высшей награды ученого – легкой смерти за рабочим столом, в окружении рукописей и книг. Здесь античный афоризм о кончине филолога за работой как нельзя более уместен. Стоя у закрытого гроба в зале крематория, мы слушали о. Виктора Маринчака, который провожал ее последним словом, хотя церковного отпевания не было. «», – говорил оратор, – «». Ученики разного возраста, пришедшие с ней проститься, воплощали цепочку поколений, подтверждая правильность выбора, сделанного когда-то Асей Широкоград. Пусть нет больше маленькой квартиры, от обширной библиотеки остались лишь перевезенные на кафедру словари, а прах ее покоится в Белгородской области, в городке Шебекино, – с нами всегда будет чудо встречи и радость неторопливого общения с учителем о самых важных вещах в жизни. *Всю жизнь она работала над собой и умерла в доброй старости, насытившись годами, как библейские патриархи*

Как писал У. Оден, «...». И верно, достаточно взглянуть на одну из ее последних фотографий. Здесь она все еще среди нас, лишь на мгновение остановленная объективом фотографа, но глаза уже прозревают иное, и весь ее облик устремлен куда-то за грань неведомого... *время... поклоняется языку и прощает тех, кем он жив*

«...». как историк русского языка Ефросинья Фоминична оказалась приобщена к научной деятельности, требующей предельной точности знания, четкости научных доказательств, обширного языкового материала. Ее личностные особенности и принципы жизни стали гарантией безусловного профессионализма в области исторического языкознания. Подвижничество, исключительное трудолюбие, добросовестность как органические свойства личности Ефросиньи Фоминичны предопределили и содержание ее жизни, которая всецело была наполнена педагогической и научной работой

Е. Ф. Широкопад. 2010 г. Фото из архива В. А. Глуценко

Историк языка. О чудесах и текстах

Тема научно-исследовательской работы в семинаре Е. Ф. Широкоград вначале была сформулирована как «Противопоставление „свой“ – „чужой“ в истории русского языка». Обсуждая лексическое наполнение этой оппозиции, мы с научным руководителем вспомнили о «чуде», как одной из номинаций в ряду , , и постепенно стало ясно, что смысловой центр всей проблематики состоит именно в изучении «чуда». И вот тогда было решено направить усилия на описание «Чуда» как концепта восточнославянской книжной культуры. *чужого чуждого*

В фундаментальном труде Ю. С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры» концепт «Чудо» определяется формулой:

Оставалось «одеть» эту гипотезу академика Степанова в одежды конкретных текстов, в первую очередь, евангельских, а затем житийных. Если Ю. С. Степанов допускает ранее не предпринимавшееся учеными сближение «Чуда» с концептом «Слово» (подтвержденное также и этимологией: слав. – «чудо, воспринятое на слух»), то мы предложили следующее толкование «Чуда»: **čudo*

Преимуществом такого определения славянского «Чуда» можно считать его рассмотрение как культурной ценности, включенной в широкий круговорот общения.

Христианское понимание «чуда», которое зафиксировано в тексте Евангелий, проникает в восточнославянскую культуру с переводами священных текстов Нового Завета.

В Евангелиях описано несколько десятков чудес, совершенных Иисусом, но при этом они редко обозначаются собственно словом чудо. Это слово может присутствовать в текстах, и тогда оно выступает как ключ к повествованию о «чуде». Так же редко чудеса называются делами или знамениями. Значительно чаще бывает так, что описанная ситуация не содержит лексических признаков для ее определения как «чудесной». Но, принимая диалогическую модель представлений о «чуде», такие признаки можно заметить, а затем обнаружить их устойчивость и повторяемость.

Евангельские «чудесные» истории обладают следующими признаками: ¹

– Ряд обозначений «Чуда» представлен существительными Между тем, редкость появления этого признака говорит о его второстепенности. *дела, знамения, чудеса*.

– «Чудо», в соответствии с гипотезой о тождественном устройстве концептов «Чудо» и «Слово», возникает во время встречи, контакта и общения двух сторон. Один из участников такого контакта неизменен – это Иисус, всегда названный по имени. Второй – человек, находящийся в кризисной ситуации, требующей разрешения, – болезни или недостатка (слепота, немота, глухота, одержимость бесами). В тексте названо лицо и его атрибут, обозначен признак «объект»: (Мф. 8:14)(Мк. 7:32)(Лк. 14:2). *теща, лежащая в горячке , глухой косноязычный , страждущий водяною болезнью* ²

– Признак «встреча/установление контакта» описан как просьба, молитва страждущего с использованием глаголов , , , которые можно рассматривать как описание собственно встречи, а также других глаголов: , , , , . Можно говорить об открытости, ожидании чуда как одном из условий его совершения: *приступити кланятися поклонитися глаголати зъвати возопити молити отвѣщати вознести гласъ возопити гласъмъ велиемъ, очистити, помиловати, возложити руку, сънити исцелитъ, помочи* ³

¹ В ходе работы над темой «чуда» привлекались церковнославянские евангельские тексты. В этой книге принят компромиссный подход: слова и формы слов даны на церковнославянском языке, но в современной орфографии; цитаты из Евангелий – в Синодальном переводе.

² Сокращенные обозначения Евангелий: Мф. – Евангелие от Матфея; Мк. – Евангелие от Марка; Лк. – Евангелие от Луки; Ин. – Евангелие от Иоанна.

³ Церковнославянские формы приводятся с упрощением орфографии, в частности, [h] передается через [], но [] и []

«...». Христос, как известно, не мог творить чудеса в Назарете: там никто не ждал от него чуда и не открывался чуду... Христос исцелил женщину, открытую чуду

В то же время есть примеры, когда инициатива в установлении контакта исходит от Иисуса, и в таком случае данный признак выступает как «благорасположение», «предложение изменения»: (Мф. 9:2)(Лк. 13:12) *И видя Иисус веру их, сказал... , Иисус, увидев ее, подо- звал... .*

– Признак «способ/средство воздействия». Этот признак, в свою очередь, состоит из компонентов: «слово к страждущему» (в ответ на его просьбу) со значением «испытание веры»: (Мф. 9:28); «испытание готовности к чуду»: (Ин. 5:6) а также слова с предписанием «восполнить недостаток», выраженным с помощью глаголов: ; и, наконец, «констатация свершившегося изменения»: (Мф. 9:24). Само словесное воздействие Иисуса описано глаголами *И гово- рит им Иисус: веруете ли, что Я могу это сделать? хочешь ли быть здоров? , очисти- ся, держась, встань и возьми и иди, не плачешься, гряди вон, буди тебе яко же хочешь, простри руку, прозри ибо не умерла девица, но спит рече, глагола, отъвеща, возгласи, вопросы, воззва.*

– Признак «подготовка к чудотворному действию», который реализуется словами: и связан с компонентом «акт чудотворения», получающим повествовательную характери- стическую: . Сам «способ чудотворства» представлен комбинацией признаков «слово», «намере- ние» и «действие», но может быть выражен только как «слово» или только как «действие». Иными словами, в каждом конкретном явлении «чуда» реализуется общая модель, но в наборе компонентов того или иного признака концепта, как и в их последовательности, она достаточно свободно варьируется. *милосердовати, приступити, приити, обратитися, видети, разумети, дивитися, възрети на небо, въздохнути прикоснутися, простеръ руку, възложити перъсты, плинутти, сътворити бръние, коснувъ одръ, имъ за руку, помазати очи, возложити руку*

– Дополнительные элементы вступления, заставки, диалога между Иисусом и стражду- щим, представляющие собой замедление в развитии действия:

а) нравоучение: (Мф. 17:17); *о, род неверный и развращенный! Доколе буду с вами? Доколе буду терпеть вас?*

б) обращение к Богу: (Ин. 11:41—42); *Отче! Благодарю Тебя, что Ты услышал Меня... чтобы поверили, что Ты послал Меня*

в) притча: [] (Мф. 15:26—28) *Хананейка говорила: Господи! Помоги мне. Он же сказал в ответ: не хорошо взять хлеб у детей и бросить псам. Она сказала: так, Господи! Но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их. Тогда Иисус сказал ей в ответ: о, женщина! Велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему .*

7) Признак «разрешение кризиса», «восполнение недостатка», «мгновенное преображе- ние», с таким лексическим и синтаксическим выражением:

а) использование слова абие ()(Мф. 8:3); *тотчас : и он тотчас очистился от проказы*

б) указание на время происходящего: (Мф. 8:13); *и выздоровел слуга его в тот час*

в) синонимическое, тавтологическое обозначение происходящих изменений: (Лк. 8:55); *и возвратился дух ее; она тотчас встала*

г) интенсификация признака: (Мф. 8:15). Возможно «восполнение недостатка» в случае двух кризисных состояний сразу: (Мк. 7:35). *и горячка оставила ее, и она встала и служила им и тотчас отверзся у него слух, и разрешились узы его языка*

8) Признак «эффект славы», в структуре которого отчетливо выделяется несколько уров- ней по степени яркости этого эффекта:

а) «удивление», выраженное глаголами (): (Мф. 9:8)и : (Мк. 7:36); *чудитися удивиться народ же, видев это, удивился дивитися и чрезвычайно дивились*

б) «страх, ужас»: (Лк. 7:16(Мк. 10:24); *и всех объял страх*); *ученики ужаснулись от слов Его*

в) «прославление», которое может выражаться в сочетании с глаголом одной из предшествующих фаз:(Мф. 9:8) или самостоятельно. Отмечаются иные лексические средства с семантическим компонентом «слава»:(Лк. 18:43). *народ же, видев это, удивился и прославил Бога и весь народ, видя это, воздал хвалу Богу*

Несомненно, важен для характеристики нашего концепта компонент «вера». Его параллель с «чудом» объясняется развитием «чудесной» ситуации по направлению к пределу, результату воздействия, и этим результатом можно считать «уверование» в творца чуда – Иисуса.

Итак, структура концепта «Чудо» включает как обязательные, так и дополнительные элементы. Располагаются они в определенной последовательности, разворачивая картину чудесного явления. Еще раз представим ее обобщенную модель.

«Чудо» происходит в точке встречи Иисуса и «объекта» в ситуации «кризиса» или «страдания». Болезнь или недостаток «объекта» предполагает его готовность к изменению, необыкновенному контакту («молитва» или «просьба»), но также и «инициативу чудотворца», проявляющего благодать. Как кульминация действия, происходит «чудесное воздействие» и «преображение», нередко мгновенное, в котором и заключается сверхъестественный эффект. Как следствие этого преобразования выступает реакция «прославления» (обратный импульс от человека к Иисусу и самому Богу; «возвращение» той самой «ценности», обмен которой предполагается в общении сторон) и «торжество веры» («спасение»).

Если евангельские эпизоды чудес подобны сценическому действу, в котором событие разворачивается во времени (перед читателем проходят «экспозиция», напряженное «развитие действия», «кульминация», сменяющаяся «оациями» и «завесом»), то подобная драматургичность подхватывается затем литературой житий святых, что объясняет предлагаемый здесь сюжетный, ситуационный принцип узнавания агиографического повествования о «чуде».

Житийный жанр, кристаллизующийся на христианском Востоке из различных источников, затем проникающий в Европу и на Русь, включает мотив исцеления, превращая его в стереотип, «трафарет ситуации» (согласно Д. С. Лихачеву). Обязательность житийных формул в описании жизни и деяний святого составляет часть агиографического канона: «>»; «>». *раз речь заходит о святом – житийные формулы обязательны, будет ли говориться о нем в житии, летописи или хронографе чудо в житийной литературе – совершенно необходимая составная часть. Только оно вносит движение и развитие в биографию святого*

Жития, перенимая пафос новозаветных историй, все же не наследуют этот образец буквально; житийные исцеления происходят более разнообразно, в частности, не только святой, но и его тело (мощи) исцеляет людей. Таковы, скажем, посмертные чудеса Алексея, человека Божия из знаменитого византийского агиографического памятника:

«Чудо» как «знак верности и преданности» отвечает назначению жития – быть посредником в контакте между миром реальным, несовершенным, конечным и идеальным, истинным, нетленным. Эта функция требует соблюдения канона, который практически исключает новизну и увлекательность (в смысле событийной и фабульной занимательности). Заменой этих впечатлений читателя служит в житиях (соотносимое с реакцией на), позволяющее читателю прикоснуться к образу святости, воплощающему жизнь уподобленную Христу., с помощью освобождающим восторженное , агиография создает атмосферу , в которой легко . *умиление чудо Умилением страха божия изумление чуду подданнической присвоенности блаженствовать*

Таковы, по Б. И. Берману, основные категории мировосприятия, которые транслирует житие. Но изображая «чудо», житие, с одной стороны, сохраняет верность жанровой трафаретности, с другой, понемногу допускает сюжетную занимательность. Одним из каналов,

по которым протекал процесс беллетризации русской литературы, можно считать «чудесный» нарратив, характерный особенно для севернорусских (более поздних) житий. Исследователь агиографии русского Севера Л. А. Дмитриев писал по этому поводу:

Среди языковых средств, организующих «сферу чудесного» в системе житийной поэтики, следует рассмотреть само слово чудо, которое функционирует в текстах следующим образом:

– Вводит в тональность повествования, играет роль ключа к эпизоду либо эмблемы, открывающей «чудесный» эпизод: (здесь и далее примеры – из «Жития Епифания»); *хочу побеседовать с вами о преславных чудесах, которые творит Бог праведникам Жития Сергия Радонежского*

– Обрамляет эпизод с чудесным событием: ; *сколь много, говорит, чудес творит Бог с помощью своего служителя, святого Сергия, может быть, и к нам будет милосерден... и радуясь, пошел к себе, благодаря Бога, творящего дивные и славные чудеса с помощью праведника*

– Регистрирует, фиксирует состоявшееся «чудо», словно присваивает ему ярлык: [Сергия]. *узнали об этом чуде от ученика святого*

Роль «ключа» выполняет и эмблема в тексте, встречающаяся, когда повествование останавливается, чтобы включить рассказ о чудесах. В этом случае о чудесах повествуется в рамках маленьких вставных новелл, слабо связанных с фабулой: («Ж», л. 15об.). Точно так же может вводиться и второе, и третье, и десятое чудо. Списки многих десятков посмертных чудес присоединяются зачастую к основному тексту жития. *и стал столь добродетелен, что творил чудеса. Скажем нечто о них. Чудо первое... Житие Серапиона*

Наблюдения над текстами дают возможность наметить основы композиции повествования о чудесах в агиографических памятниках:

– вводимая рассказчиком экспозиция (или:); *Хочу побеседовать с вами о преславных чудесах... Скажем нечто о них...*

– место действия и обозначение ситуации (или:); *Так как не было вблизи обители воды, а братия умножилась, нужно было издалека носить воду... Пришла смертоносная язва на Великий Новгород...*

– кризис (здесь и ниже примеры из «Жития Сергия» – К. Б.); *и поэтому кое-кто начал роптать на святого, говоря, зачем, не подумав, основал здесь обитель, рядом с которой нет воды;*

– необязательный элемент: святой увещевает братию, отсылая к общеизвестному прецеденту, как правило, из Библии (); *Бог захотел такую обитель создать, чтобы прославить его святое имя; держайте в молитве и не пренебрегайте, и уж если строптивым израильтянам дал воду из камня, то вас, работающих ради него день и ночь, отвергнет ли?*

– молитва, состоящая из: а) прославления Бога (); б) самоуничтожения и упования (); в) конкретной просьбы, иногда сопровождающейся апелляцией к библейскому прецеденту (). Стандартное содержание молитвы может быть представлено и без вводных мотивов (); *молю, Боже, Отче Господа нашего Иисуса Христа, создавший небо и землю о том молимся мы, грешные и недостойные рабы твои: услышь нас и яви славу свою как в пустыне сотворил чудо Моисею крепкой рукой, заставив своим повелением водоточить камень, так и здесь покажи свою силу, дай нам воду на этом месте Архиепископ Серапион, объятый скорбью, начал молится Богу и святой Богородице со слезами*

– внезапное изменение, собственно «чудо» (...); *и только проговорил святой и место наметил, как внезапно появился мощный источник, который и сегодня все видят*

– действие «чуда» (...). *из него черпают для всех монастырских нужд, благодаря Бога и его угодника Сергия. Многие, приходя к источнику с верой, исцеляются*

Естественно, что наиболее важными в диагностическом отношении являются последние два элемента, так или иначе присутствующие в любом рассказе о чуде, в каждом житии, например: (примеры из «Жития Серапиона») и ряд других контекстов. *и встал тот человек в тот же миг здоровым; все люди возрадовались радостью великой, неописуемой*

Представленная конструкция отражает свойства «чуда» как композиционного единства, созданного с помощью последовательности речевых средств. В их числе может находиться слово чудо; может быть и другое лексическое наполнение модели, но содержание ее (набор и связь структурных единиц) остается принципиально неизменным. Использование «чуда» как компонента духовной культуры в памятниках житийного жанра способствует достижению задачи произведения. В этом смысле житийные описания чудес сочетают полноту религиозных переживаний с сюжетной увлекательностью.

И наконец, «чудо» может выступать как повествовательный элемент и как прием, организуемый композицию, в фольклорных и беллетристических текстах. При таком подходе «чудом» может быть назван любой элемент структуры, который не обусловлен предыдущим; «чудо» открывает новый сюжетный такт и включает в него героя, указывая на значимость последующего компонента. Универсальность этой трактовки позволяет применять ее к различным текстам. Так, исследователи давно обратили внимание на сходство повествования у Пушкина с традициями волшебной сказки. В частности, по наблюдениям Н. Н. Петруниной, природа фантастики в повести «Пиковая дама» и ее отношения с реальностью восходят к народной сказочной традиции. И если в «Пиковой даме» отражен «», то вполне допустимо предполагать в числе писательских приемов такой сюжетно-композиционный элемент сказочно-былинного эпоса, как «чудо». Согласно С. Ю. Неклюдову, место «чуда» в эпическом тексте определяется «взглядом изнутри», «глазами героя», «средствами самого текста». При этом фольклористическая терминология («чудесный предмет», «волшебное средство») предполагает «взгляд извне», «авторскую речь» в былинке или сказке или, если угодно, оценку исследователя. Таким образом, оказывается, что «внешняя» оценка дает признаки «чудесного» на уровне структуры – более или менее постоянные персонажи и их функции, описанные В. Я. Проппом, и в целом характеризует мир сказки как чудесный, волшебный. Оценка же «внутренняя» показывает этот мир «совершенно нечудесным», и тем более важно, что «явление из ряда вон выходящее, заслуживающее удивления» предстает как «чудо». Попробуем выявить сказочный прием, названный С. Ю. Неклюдовым «метамотивом», в тексте «Пиковой дамы». На наш взгляд, эта задача включает обращение к другим особенностям преломления сказочной поэтики у Пушкина. *художественный опыт Пушкина-сказочника... в способе развертывания повествования*

Сочетание реального и фантастического организует художественную систему повести; также и волшебная сказка знает «модель органического слияния реальности и фантастики». Кроме того, мы знаем, что « <...> ». *из множества возможных коллизий Пушкин выбирает простейшие, наиболее традиционные разрабатывая замыслы из разных эпох, он пользуется одними и теми же сюжетными ходами, которые лишь варьируются в зависимости от места и времени*

Например, функции и расстановка персонажей «Руслана и Людмилы» создают композицию «двухходовой» волшебной сказки, по В. Я. Проппу. При этом отступление от традиционной схемы заключается в обособлении линии Людмилы, образующей «сказку в сказке» и заканчивающейся в рамках истории Руслана (ср. у Проппа: «»). Происходит подчинение разнонаправленных элементов сказочного повествования замыслу поэмы. Другой пример. «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» содержит иное отступление – соединение двух рассказов: истории героя-искателя и истории преследуемой мачехой царевны, причем первая существенно перерабатывается. В ней королевич Елисей не влюбляется в случайно увиденную мертвую царевну, подобно типичному герою-искателю, а целенаправленно разыскивает не-

сту. случаев, когда сказка следит как за искателем, так и за пострадавшим, в нашем материале нет

«Пиковая дама», написанная в том же 1833 г., что и «Сказка о мертвой царевне...», «». Тем не менее, здесь также нарушается знакомый сказке принцип, названный исследователями «хронологической несовместимостью»: история Лизаветы Ивановны истолковывается в духе сказки о бедной падчерице, образуя самостоятельную линию и развиваясь по своей логике – от безвестности и униженности к обретению жениха и богатства. В «Пиковой даме» обособление происходит даже дважды: « » Н. Н. Петрунина называет и анекдот Томского, действие которого развивается от осознания ущерба к его устранению – «ликвидации беды» – с помощью «дарителя» и «чудесного средства». Можно говорить о сопоставлении персонажей повести со сказочными: графиня – хранительница тайны – выступает как невольный «даритель», Чекалинский – как «антагонист», Лизавета Ивановна – как «помощник». Но существенные изменения претерпевает каждый фрагмент реконструируемого сказочного плана «Пиковой дамы»: «герой» (Германн квалифицируется не как главный, положительный, а как ложный герой сказки, которому не полагается сказочное благополучие вследствие нарушения им сказочной этики), «даритель» (в отличие от героя сказки, Германн знает о «дарителе» и ищет встречи с ним; кроме того, «даритель» совершает свое действие вынужденно), «предварительное испытание» (отчасти сливается с «поединком» – встречей за карточным столом), «помощник» (является одновременно «героем» «встроенной» сказки). И особенно важно отметить «волшебное средство». Волшебная сказка, вообще говоря, знает такой сюжет, как «пиковый/червонный валет», в котором герой находит игральную карту, затем из нее выходят духи, с помощью которых он богатеет, прельщает подарками невесту, женится. Помимо этого, одна из возможных форм сказочного боя – игра и карты. У Пушкина же тема трех карт вписана в традицию романтической фантастики и современной ему философии, литературы и общественной жизни. *целиком принадлежит своей литературной эпохе. Ее действие совершается в исторически конкретном, а не в условно-сказочном времени и пространстве маленькой волшебной сказкой*

Анализируя метамотив «чуда» согласно с данными С. Ю. Неклюдова, отметим следующие условия. «Чудо» – спутник и частое следствие разрыва в цепочке последовательных событий, образующих сюжет сказки, часто – в ситуации дороги, особенно, когда цель поездки не определена. Согласно В. Я. Проппу, фантастичность волшебной сказки подготовлена случайностью, появляющейся в самый напряженный момент для героя в ходе действия – момент после выхода из дома. На наш взгляд, все эти условия содержатся в анекдоте Томского – «маленькой волшебной сказке»: обрыв событийной цепочки («бабушка не знала, что делать»); появление Сен-Жермена, который оказывается «чудесным» для героини, хотя оценка его дана в словах рассказчика («вы слышали о графе Сен-Жермене, о котором рассказывают так много «», и рядом: «старый» Заметим, что обычно «слов семантического поля «чуда» в тексте мало», частотность их появления невелика, и потому отмеченное словоупотребление достаточно красноречиво. *чудесного чудака*).

После появления Сен-Жермена, предлагающего взамен тривиального выхода «другое средство», сюжет развивается связно и последовательно: игра у королевы, выбор трех карт, «чистый» выигрыш – словом, «чудо». Представлена и роль «чуда» как «ключа, вводящего слушателя в тональность повествования»:

Услышанная история воспринимается Германном без присущей сказке «установки на вымысел», он ожидает «чудо», «программирует» события с расчетом на «чудо», нарушая композиционное условие непредсказуемости. Мотив ожидания осложняется сомнением в действенности «волшебного средства», что в сказке невозможно. Это сомнение как будто провоцирует отказ от попытки добыть «волшебное средство» («...»), но уже следующий фрагмент текста показывает развитие действия по описанной сказочной закономерности: «бродя

по Петербургу», Германн неожиданно оказывается перед домом графини, останавливается в нерешительности и узнает о том, кто хозяйка дома. «Германн некогда снова представился его воображению. Он стал ходить около дома, думая об его хозяйке и о ее способности...» *расчет, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты затрепетал. Удивительный чудной*

Здесь также обнаруживаются характерные лексические сигналы и повествовательные признаки. Легко увидеть в то же время несоответствие литературного и сказочного решений. Выдержав один из этапов «предварительного испытания», заполучив «помощника» и встретившись с «дарителем», Германн обнаруживает, что «даритель» не обладает «волшебным средством» («!»). Так видоизменяется существенное звено прототипа. Бой с «антагонистом» закономерно ведет к поражению Германна: ведь волшебная помощь не заслужена им, хотя «волшебное средство» действует безотказно и до конца, как положено в сказке. Сцены с фантастическим колоритом – явление призрака, усмешка карточной дамы – не предполагают, скорее всего, сказочных параллелей и обусловлены литературной традицией. *Это была шутка, клянусь вам*

Итак, иные особенности волшебного-сказочного поэтики усвоены и сохранены Пушкиным («чудо» как метамотив повествовательной структуры), другие изменены (однонаправленность времени, монотонность сюжетной линии, функции персонажей и ключевые ситуации). Видоизменение или нарушение сказочного канона имело место в различные периоды творчества Пушкина и в разных жанрах под влиянием «». *непрерывного усложнения действительности и форм ее осмысления*

Пожалуй, не будет преувеличением утверждение, что изменение сказочных констант, и прежде всего самой устойчивой – композиции – происходит за счет «экспансии» литературной стихии, в частности, разного рода игровых приемов. Например, хорошо известные романтические темы и образы вводятся в повествование и пародируются. Пародийный подтекст ощущается также в эпизодах, соотношенных со сказочным планом «Пиковой дамы»: сцены с Лизаветой Ивановной (воображаемая страсть оборачивается равнодушием), графиней (явление призрака снабжено долей комизма).

Вопрос о «чуде» как мотиве поэтики «Пиковой дамы», таким образом, является частью общего вопроса о балансе фольклорных и литературных средств у Пушкина.

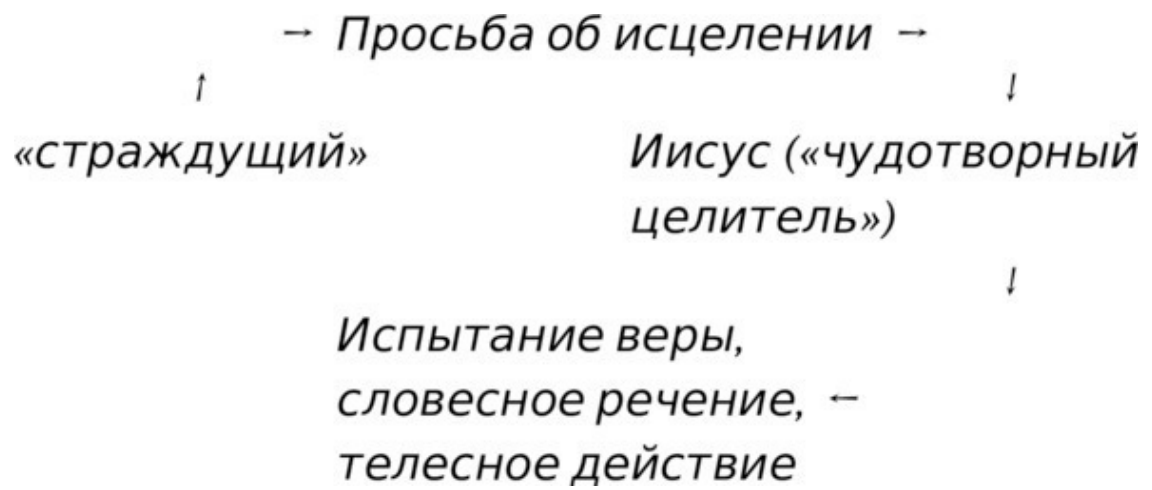
«». нечто, обозначающее цельную ситуацию, в которой «говорение» предполагает «слушание» и наоборот, – «круговорот речи» или даже нечто большее – «круговорот общения

«». словесное действие (творчество), проявление Бога в человеке и /или для человека

«». Страждавшие неисцелимыми недугами, взглянув на святого, разрешились от всех скорбей своих – немые заговорили, слепцы прозрели, одержимые демоном стали здоровы, прокаженные очистились и всякая иная болезнь отошла от них

«». В разделе чудес агиограф был менее всего связан обязательным соблюдением риторических правил житийного жанра: каждое чудо представляло собой отдельный самостоятельный рассказ о каком-то событии, и рассказ этот мог быть либо сухой протокольной записью в несколько строк, либо развернутым повествованием, длительным во времени и сложным своими перипетиями

« – ». Случай! – сказал один из гостей. – Сказка! – заметил Германн. – Может стать, порошковые карты? – подхватил третий

Между славистикой и иудаикой

На I курсе университета я впервые услышал о древнерусских книжниках – смиренных тружениках монастырских скрипториев.

Мой предшествующий опыт общения с Древней Русью состоял из путешествия во Владимир и Суздаль в 1983 г., книги Е. Осетрова «Твой Кремль», двух-трех строк в учебниках, нескольких экспонатов исторического и художественного музеев, мельком увиденных церковных интерьеров. На этом непрочном фундаменте одновременно строились курсы старославянского языка, древнерусской литературы и введения в славянскую филологию. Последний стал одним из сильнейших впечатлений за все годы учебы.

Появившийся в программах филологических факультетов незадолго перед тем, он был чем-то вроде экспериментальной площадки для педагогов, пытавшихся повысить теоретический уровень будущих словесников. Здесь можно было рассказывать о великих ученых прошлого, о рождении самой науки языкознания из догадки о родстве санскрита и древнегреческого, о собирателях рукописей и комментаторах текстов, из поколения в поколение ведущих свои партии «игры в бисер». Словом, обо всем. Каждый преподаватель, которому выпадало испытание работать с этим курсом, справлялся с ним по-своему, но нам повезло стать свидетелями редкого исключения: Виктор Андреевич Маринчак прочитал «Введение...» виртуозно, с присущим его лекциям оттенком интеллектуального пиршества. Спустя тридцать лет я все еще будто слышу его голос с характерными интонациями, шутками, риторическими вопросами. Конечно, это был «прямой разговор о жизни», облаченный в завораживающую форму путешествия во времени.

Знакомя нас со славянскими древностями, лектор приоткрывал дверь в мир филологии, пророчески предвидя, что лишь единицы в лекционной аудитории на сто человек станут филологами. Виктор Андреевич, говоря со студентами о серьезных вещах с доверительной интонацией, давал понять главное: быть филологом трудно, может быть, даже труднее, чем кажется. Тогда он много цитировал С. С. Аверинцева:

Возможности человеческого понимания... Приобщение к ним шло медленно и постепенно формировалось в исторической лексикологии и семантике, в изучении культуры сквозь призму концептов, ключевых терминов и базовых представлений, выраженных в текстах. Позже к этому направлению добавились археография и текстология средневековых памятников. И уже после защиты диссертации на первый план вышли литературное источниковедение и текстология авторских произведений нового времени. В конце концов, одним из важнейших уроков профессии можно считать тот, что между древней и новой словесностью нет непроницаемых границ, как нет их в работе филолога, берущегося за темы в той и другой области.

Опыт славистической работы оказался полезным и с другой стороны – в приближении к возрождавшейся иудаике. Этот процесс, начавшийся, по сути, вскоре после получения первой специальности, продолжается до сих пор и отличается рядом специфических черт. Путь к иудаике для тех, кто пришел в нее «со стороны» в середине – конце 90-х годов, был тернистым. Дисциплинарные навыки и опыт исследований в других областях определяли стиль и характер работы. Так или иначе, в стремлении легитимизировать новую область деятельности пионеры приносили в нее все, что имело к неясно пока очерченному предмету хотя бы косвенное отношение. В некоторой увлеченности иной раз отрывали еврейскую историю от магистрального движения истории всемирной. Религиозная традиция прямо и косвенно влияла своими аксиомами креационизма, богоизбранности, провиденциализма, достоверности событий священных книг. Традиционный уклад, в свое время вызвавший к жизни богатую литературу, философию, комментаторское мастерство, слишком непохож на основания европейской науки

XIX в., выпестованной Просвещением и позитивизмом; их диалог все еще носит настороженный характер, основанный на компромиссе и личных качествах его участников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.